

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

35.5.72.

Н 73

Р 30,940

ГОСПИТАЛЬ НА КОРАБЛЕ

*Героическое прошлое
русских морских врачей*

А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

ГОСПИТАЛЬ НА КОРАБЛЕ

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ
РУССКИХ МОРСКИХ ВРАЧЕЙ

30990

НАРКОМЗДРАВ СССР
Государственное издательство медицинской литературы
МЕДГИЗ
МОСКВА—1942—КАЗАНЬ

Вся морская история не только России, но и других держав мира незаслуженно замалчивает героизм флотских докторов, фельдшеров и санитаров в морских сражениях. Не описаны героические подвиги медицинского персонала в морских сражениях времен Петра Первого, Екатерины Второй, в крымскую, турецкую и китайскую войны. Полной и точной медицинской регистрации пострадавших не сохранилось и при Цусиме, где погибли корабли второй Тихоокеанской эскадры, и в Порт-Артуре, где японцами были конфискованы все истории болезни.

Первый в мире опыт описания санитарной службы во флоте в русско-японскую войну 1904—1905 гг. был сделан комиссией морских врачей — участников войны. По личным наблюдениям и рассказам участников я в своей книге „Цусима“ тоже пытался восстановить картину работы врачей на кораблях в цусимском сражении.

Санитарная служба в ту войну отличалась новизной и многообразием деятельности медицинских работников. Самоотверженность их в

боях ни в чем не уступала героизму моряков. Медицинский персонал погибал на посту у операционных столов.

Ожесточенные, кровопролитные бои, применение орудий небывалых дотоле больших калибров, огромные потери доблестных команд и различные технические затруднения — все это осложняло и затрудняло нормальную работу флотских врачей, ставило их в чрезвычайно тяжелые условия и требовало нечеловеческих усилий и твердого сознания долга перед страной. Флотские врачи отвечали за жизнь и здоровье защитников родины на море.

Общие потери в бою при Цусиме достигали 40,9 процента, из них 35,3 процента умерших. Эта цифра оказалась необычайно высокой для потерь в морском сражении. Из 36 врачей, участвовавших в цусимском бою, пострадали 14, из них 13 умерло.

Морские врачи вынуждены были работать на судах второй Тихоокеанской эскадры в очень тяжелых условиях. Тогда еще не было твердо установлено, где, в какой части судна и какие именно должны быть перевязочные пункты. На большинстве кораблей Тихоокеанской эскадры вообще не было специальных перевязочных пунктов. На старых судах постоянными перевязочными пунктами в бою не пользовались ввиду их неудобства: незащищенность броней или неудобные спуски по трем трапам. А на новых судах работе препятствовала невыноси-

мая жара: под перевязочными пунктами были машины и испарители. Вообще эти пункты на кораблях второй эскадры были разнотипные, а оборудование их весьма примитивное.

* *
*

Еще в начале XVIII века гениальный преобразователь русского флота Петр I позаботился о создании морского госпиталя на корабле. В письме на имя адмирала Крюйса в 1716 г. он указывал, как переоборудовать корабль „Стафорд“:

„...Понеже нам зело потребен при флоте госпиталь, на которое дело лучше я не мог найти из наших кораблей, как „Стафорд“, для того, что у оногю клюис-гат из баку, а не между деков, что гораздо для больных между палуб выгодно“...

„... И на помянутую госпиталь велите сделать для больных постели из холста толстого и набить их хотя сеном, также чем одеваться, хотя попоны какие белые недорогие им купить“.

Это петровское госпитальное судно „Стафорд“ служило русскому флоту до 1732 г.

В китайскую войну для транспортирования раненых был приспособлен небольшой пароход „Инкоу“ (водоизмещением в 350 тонн), но обязанности госпиталя он нести не мог. Под конец китайской войны в Порт-Артур пришло из России первое русское госпитальное судно — пароход Красного креста „Царица“.

В составе второй эскадры у нас было два специальных, прекрасно оборудованных госпитальных судна: „Кострома“ и „Орел“. „Кострома“ (водоизмещением в 6 960 тонн) была переоборудована в госпиталь на 460 коек из парохода Добровольного флота, построенного в 1888 г. в Ньюкестле. Еще больше по размерам и несравненно лучше, по последнему слову новейшей санитарной техники, оборудован был пароход „Орел“. На это было затрачено 6 000 000 франков, собранных от жертвователей французским Красным крестом.

Эти замечательные по тогдашнему времени госпитальные корабли, имевшие в своем распоряжении все новейшие приспособления и приборы для медицинского обслуживания раненых, оставшись в строю эскадры, могли бы спасти жизнь многим морякам.

* *
*

Но во время цусимского боя этих двух пловучих госпиталей не было, они были захвачены японцами в начале боя. Боевые же корабли комплектовались в то время медицинским персоналом весьма скудно.

Во время боя на крейсере „Нахимов“ действовали два перевязочных пункта: носовой и кормовой. В первом работали младший врач Мордберт, фельдшер Парменов, санитары Суслов и Кравченко; во втором — старший врач Зорт, фельдшер Задвинский, санитары Складчиков и Козодоев с четырьмя матросами.

В крейсер попало 12 крупных и мелких снарядов. перевязки производились под невероятный шум и грохот от рвущихся снарядов. К концу боя все люди оглохли, даже и те, которые находились в нижних помещениях.

Один осколок снаряда, пробив палубу, влетел в кормовой перевязочный пункт и контузил в голову старшего врача Зорт в тот самый момент, когда он наклонился над раненым, чтобы поправить повязку. От ужасной картины боя впал в столбняк один вестовой, все остальные моряки и медицинский персонал корабля работали во время боя молодецки.

Около 9 часов от минной пробоины в носу крейсер осел в воду с дифферентом на нос — судно как бы отбросило назад. Электричество в перевязочном пункте на корме погасло. Старший врач Зорт с фельдшером Задвинским остались на своем посту. Они зажгли свечу и по разбитому трапу с большим трудом выносили раненых. В 2 часа начали грузить раненых в катеры, вельботы и шлюпки, которые пришлось спускать с невероятными усилиями, потому что шлюпбалки были сбиты. Всех раненых после потопления корабля перевезли на берег острова Цусима.

На броненосце „Ослябя“ внизу, под защитой брони, было два операционно-перевязочных пункта: один постоянный, а другой импровизированный, сделанный на время из бани.

В первом работал старший врач Васильев, во втором — младший врач Бунтинг.

Тяжело раненые поступали к старшему врачу Васильеву. В халате, заалевшем от крови, он стоял у операционного стола и рылся зондом в ранах пострадавших, выбирая из разорванных тканей осколки. Это причиняло раненым невыносимую боль. Слышались стоны, вопли. Число раненых все увеличивалось.

— Ребята, не напирайте. Мне нельзя работать, — упрашивал старший врач.

Его плохо слушали.

Каждый снаряд, попадая в броненосец, производил такой грохот, как будто с большой высоты сбрасывали на палубу сразу сотни рельсов. Содрогался весь корпус судна. Раненые в такие моменты с отчаянием смотрели на выход: конец или нет.

Броненосец вдруг сильно качнулся, потом начал крениться на левый борт. Всех, кто находился в операционном пункте, охватил ужас. Старший врач, может быть, и догадывался, что его минуты сочтены, и все-таки продолжал работать на своем посту.

Оба „ослябских“ врача погибли.

* * *

Экипаж маленького броненосца береговой обороны „Адмирал Ушаков“ проявил в бою исключительный героизм. По отважному поведению моряков это один из самых героических кораблей всей второй эскадры. В боях 14 и 15

мая броненосец стрелял до последнего снаряда, после чего замечательный командир его капитан первого ранга Миклуха-Маклай (брат знаменитого русского путешественника) приказал потопить судно под огнем превосходящих сил противника. Пострадало 23 процента личного состава корабля, что дало большую нагрузку медицинским работникам. На 20 офицеров и свыше 400 человек команды на „Ушакове“ был один врач Бодянский, фельдшер Лежневский и три санитары. Кормовой перевязочный пункт в коридоре около кают-компания, ничем не защищенный, не был пригоден для медицинской службы в бою. Для этой цели была приспособлена жилая палуба, где и производились операции и перевязки раненых. Врач, фельдшер, санитары и раненые укрывались здесь около броневых башен. Невыносимо тягостна была обстановка для перевязки раненых. Медицинские работники выбивались из сил, хлопоча около раненых. Они останавливали кровотечения, извлекали осколки из ран, давали возбуждающие средства при упадке сердечной деятельности, накладывали шины на переломы, на раны — повязки.

На пункте во время боя у медицинских работников оказался неожиданно помощник. Судовой священник иеромонах Иона служил в молодости фельдшером в стрелковом полку. Он помогал доктору и фельдшеру перевязывать раненых. На корабле от боя пострадали

98 человек, из них только 11 человек остались в живых, остальные умерли от ран и утонули при гибели броненосца.

Когда раздалась команда „спасаться“, врач распорядился привязать раненых к койкам и спасательным поясам. Их спускали на воду, когда корабль уже тонул. Предварительно всем раненым были сделаны вновь перевязки эсмарховскими резиновыми бинтами, непроницаемыми для воды. Раненым пришлось пробыть около трех часов на волнах. Повязки оказались целыми и сухими.

* *
* *

Первым пролил кровь за отечество на крейсере „Аврора“ судовой врач Кравченко. В начале боя он стоял в ожидании раненых у операционного стола в перевязочном пункте с правого борта. Вдруг раздался удар, и Кравченко очутился лежащим ничком на палубе, сильно ударившись головой и грудью о горловину угольной ямы. Из носу у него потекла кровь. Неприятель заходил справа — врач перешел на левый борт. В тот же момент полетели осколки снарядов, и оставленный врачом пункт на правом борту был изрешетен. Ранило пятерых матросов и санитаря Носовенко. Отсюда врач с помощниками перешел в другой пункт, защищенный койками. Он помещался в церковном отделении батарейной палубы. Здесь, в алтаре, престол служил операционным столом. Сюда на носилках при-

несли смертельно раненого командира крейсера Егорьева. Ранее пришедший сюда же старший офицер Небольсин, увидя Егорьева на носилках, не стал показывать врачу свои раны и, поддерживаемый ординарцем, ушел в рубку, чтобы вступить в командование кораблем.

Во время боя врач с помощниками извлекли из ран пострадавших 78 осколков от снарядов.

Весь медицинский персонал проявлял полное самообладание, и никто не потерялся в эти грозные часы.

Ночью вдруг на корабле раздалось: „Мина! По левому борту мина!“

Даже и тогда врачи остались на своих местах, заканчивая перевязку раненых. Мина прошла в нескольких метрах от корабля.

От выстрелов своих орудий и от разрывов неприятельских снарядов электрические лампы дождем сыпались на головы медицинских работников. Три раза минеры чинили люстры.

Весь пункт был забит ранеными. Работы было много. Врач Кравченко, несмотря на то, что его лихорадило, самоотверженно выполнял свои обязанности.

* *

Операционный пункт на броненосце „Сысой Великий“ помещался на жилой палубе под шестидюймовой башней. Против дверей пункта находилось отверстие шахты подачи снарядов **наверх**, на батарейную палубу. Это соседство

оказалось роковым для врачей. По боевому расписанию на пункте находились старший врач Подобедов, младший — Кальевич, фельдшера Антонов и Иванов и санитары.

В строю эскадры броненосец вступил в бой. Врачи приготовились к приему раненых. Первым явился с осколком в левом плече часовой из-под флага — матрос Мацук. Ему сейчас же была оказана помощь. За ним появились другие раненые. Раздались первые залпы с броненосца. От выстрелов двенадцатидюймового орудия вдруг с потолка операционного пункта сорвался стеклянный колпак от лампы и, ударившись о голову доктора Подобедова, разбился вдребезги. Заметив волнение среди своих помощников, хлопотавших около раненых, доктор, стараясь ничем не выдать боли от ушиба, хладнокровно сказал:

— Не беспокойтесь, продолжайте работать.

За первый час боя на операционном пункте успели сделать перевязку 5 раненым. Потом явились два раненых офицера Буш и Всеволожский, но врачам заниматься с ними не пришлось: в помещение повалил дым. Оказалось, что над шахтой подачи снарядов, против двери операционного пункта, разорвался снаряд. Начался пожар. Особенно сильно воспламенились смоленые пеньковые тросы, которыми были обернуты трубы. Вытяжная вентиляция перестала работать. Погасли электрические лампы. Дым, гарь, газы, шимозы про-

никли в шахту, а оттуда и в операционный пункт. Доктора, фельдшера и санитары начали задыхаться и терять сознание. Фельдшер Иванов с одним санитаром успел выскочить, причем перекошенная от удара снаряда дверь наглухо захлопнулась. Оба врача и фельдшер Антонов оказались взаперти в дымном чаду с отравляющими газами. Ослабевшие, они долго не могли открыть двери. Силы их истощились. Они присели под опреснитель, приложив к лицу марлю, служившую им противогазом. Когда, наконец, дверь была открыта снаружи, оказалось, что врачи Подобедов и Кальевич настолько отравлены газами, что работать больше не могли. Доктор Подобедов лежал обожженный, с опаленной бородой и, задыхаясь, кричал:

— Воздуху! Воздуху!..

Вентиляция не работала. Младший врач Кальевич находился в еще более тяжелом состоянии. Фельдшер Антонов, оправившись от удушья, начал приводить в чувство врачей, впрыскивая им камфору. У них была сильная одышка, тошнота, учащенный пульс; лежали они неподвижно с пеной у рта. Вскоре Кальевич, перенесенный на жилую палубу, скончался. Подобедов спросил о здоровье Кальевича. Чтобы не разволновать больного, ему не говорили о смерти коллеги.

Бой разгорался. На броненосце люди падали убитыми и ранеными, а операционный пункт

опустел. Обожженные и отравленные газами, оба доктора вышли из строя. Было это около 4 часов дня. На пункте все было поломано. Бутылки с растворами от ожогов были разбиты. Перевязочные материалы при тушении пожара подмочили. Придя в сознание после отравления газами, старший фельдшер Антонов остался на своем посту. Он распоряжался приемкой раненых, которых становилось все больше.

На жилой палубе из ящиков был наскоро устроен операционный стол. Взамен подмоченных бинтов и марли Антонов распорядился принести из кают-компания салфетки и офицерские простыни. Раненые были размещены на рундуках.

Старший фельдшер Антонов, сухой, тонкий, безусый молодой человек, должен был заметить двух выбывших докторов. Он начал перевязывать раны и в то же время руководить работой младшего фельдшера и четырех санитаров. Вместо мази от ожогов применял содовые компрессы. Оперировать раненых было некогда. Фельдшера только оживляли раны, промывая их и накладывая стерильные и асептические повязки; на переломы накладывали шины.

До конца боя без докторов фельдшера пропустили около 60 раненых, среди которых встречались раненые с трещинами черепа, с открытыми и закрытыми переломами костей.

* *
* *

На броненосце „Орел“ по боевому расписанию я должен был находиться на операционно-перевязочном пункте, расположенном с правого борта у главного сходного трапа со спардека. Это довольно просторное помещение было выкрашено белой эмалевой краской. Каждый раз, когда били боевую тревогу, я спускался сюда. Во время нашего пребывания в тропиках здесь работать было невозможно, так как находившееся под нижней палубой отделение главных машин поднимало температуру в операционном пункте до шестидесяти градусов по Реомюру. Даже и во время цусимского боя, когда эскадра находилась в более холодной климатической полосе, здесь все-таки было жарко. Были и еще неудобства: спуск с батарейной палубы в операционный пункт происходил по узкому и очень неудобному для переноски раненых трапу. Зато сам коридор был широк, он далеко вытянулся вдоль судна, кончаясь к носу тупиком, а к корме — машинной мастерской. Этот железный переулок, расположенный в недрах броненосца, в случае надобности мог служить добавочным помещением для людей, выбывших из строя. Операционный пункт, устроенный в таком месте, имел то преимущество, что был изолирован от других отделений и хорошо защищен от неприятельских снарядов сверху

двухдюймовой броней батарейной палубы, с бортов — тяжелой броней.

За время пути медицинский персонал, руководимый старшим врачом Макаровым, не переставал готовить перевязочные материалы. Одних только индивидуальных пакетов имелось в запасе полторы тысячи. Каждый такой пакет, состоявший из бинта в два метра длиной и куска марли, заворачивался в парафиновую бумагу и укладывался в особый ящик. Эти ящики, заклеенные, со знаком Красного креста, были распределены по всем мостикам, в боевой рубке, в башнях, в казематах и в других помещениях. Как пользоваться индивидуальным пакетом — этому команда была обучена заранее. Для транспортирования раненых приготовили пятьдесят пар носилок, сделанных из парусины и бамбуковых палок. На каждый паре носилок был приспособлен для ног парусиновый карман, чтобы при спуске по трапу раненый не сползал вниз. Носильщики распределялись по разным местам корабля, находясь за броневою защитой, а несколько человек из них оставались при операционном пункте. Здесь же были приготовлены чаны и анкерки с водой.

Наверху грохотали тяжелые башенные орудия, резко и отрывисто рвали воздух семидесятипятимиллиметровые пушки. От выстрелов содрогался весь корпус броненосца, выбрасывавший левым бортом снаряды в противника.

Бой разгорался, решая участь одной из воюющих сторон.

Внизу, в операционном пункте, ярко горели электрические лампочки. Нарядившись в белые халаты, торжественно, словно на смотр, стояли врачи, фельдшера и санитары, ожидая жертв войны. Младший врач Авроров, полнеющий блондин, небольшого роста, скрестив руки на груди и склонив голову, о чем-то задумался. Быть может, в мыслях он был далеко от этого помещения, беседуя с дорогими для него людьми. Рядом с ним, пощипывая каштановую бородку, стоял высокий, худой с удлиненным матовым лицом старший врач Макаров. И хотя давно все было приготовлено для приема раненых, он привычным взором окидывал свои владения: шкафы со стеклянными полками, большие и маленькие банки, бутылки и пузырьки с разными лекарствами и растворами, раскрытые никелированные коробки со стерилизованным перевязочным материалом, набор хирургических инструментов. Все было на месте: морфий, камфора, эфир, валерианка, нашатырный спирт, мазь от ожогов, раствор соды, иодоформ, хлороформ, иглы с шелком, положенные в раствор карболовой кислоты, волосяные кисточки, горячая вода, тазы с мылом и щеткой для мытья рук, эмалированные сточные ведра, как будто все эти предметы выставлены были для продажи и вот-вот нахлынут покупатели. Люди молчали. Несмотря

на различное выражение лиц, в глубине души каждого было одно и то же — напряженное ожидание чего-то страшного. Однако ничего страшного не было. Блестели эмалевой белизной стены и потолок помещения; слева, если взглянуть от двери, стоял операционный стол, накрытый чистой простыней. Я смотрел на него и думал: „Кто будет корчиться на нем в болезненных судорогах? В чье тело будут вонзаться эти сверкающие инструменты?“

Освежая воздух, гудели около борта вдувные и вытяжные вентиляторы, гудели настойчиво и монотонно, словно шмели.

Мы почувствовали, что в броненосец попали снаряды — один, другой. Все переглянулись. Но раненые не появлялись. Я заметил и у себя, и у других постепенное исчезновение страха. Люди начали обмениваться незначительными фразами и улыбаться друг другу. Не верилось, что наверху идет настоящее сражение. Казалось, что мы участвуем в маневрах со стрельбой, которые через час благополучно закончатся, — так неоднократно бывало раньше. И все почему-то обрадовались, когда первым пришел на перевязку кок Воронин.

— Ну, что с тобой, голубчик? — ласково обратился к нему старший врач.

Кок по движению губ врача догадался, что его о чем-то спрашивают, и закричал в ответ:

— Я ничего не слышу, ваше высокоблагородие! Оглушило меня. Разорвался снаряд, и я

полетел от одного борта к другому. Думал — аминь мне, а вот живой оказался.

Все с любопытством потянулись к нему, а он, подняв руку, показывал лишь один палец с небольшой царапиной.

Воронин, получив медицинскую помощь, ушел на свое место. Такое ничтожное ранение как-то не вязалось с громовыми выстрелами тяжелой артиллерии. И на операционном пункте, не зная о ходе сражения, люди повеселели еще больше. Наш корабль достаточно был защищен броней, чтобы сохранить свою живучесть и сберечь от гибели девятьсот человек.

Но скоро раненные начали появляться сразу по нескольку человек. Одних доставляли на носилках, другие приходили или приползали сами. В большинстве это были строевые офицеры, квартирмейстеры, комендоры, орудийная прислуга, дальномерщики, сигнальщики, барабанщики — все те, кто находился на верхних частях корабля. Передо мной прошел ряд знакомых лиц. Вот прибежал матрос Суворов с мелкими осколками в спине и правой ноге, с кровавой раной в предплечье и ступне. Из офицеров первым принесли мичмана Туманова, раненного осколками в спину. Сигнальщик Купенко, явившись на операционный пункт, сморщил лицо, как будто собирался чихнуть, — у него была прошиблена переносица. Матрос Карнизов, показывая врачу разорванный пах, оскалил зубы и странно задергал головой, на

которой виднелась борозда, словно проведенная медвежьим когтем. У барабанщика, квартирмейстера Волкова, одно плечо с раздробленной ключицей опустилось ниже другого и беспомощно повисла рука. Дальномерщик Захваткин, согнувшись, закрыл руками лицо, — у него один глаз был поврежден, а другой вытек. Нетерпеливо шаркал ногой комендор Толбеников. Ему опалило голову, плечи, руки. Некоторые настолько обгорели, что их нельзя было узнать.

Медицинская помощь раненым на корабле имеет свои особенности. Прежде всего об эвакуации с корабля не может быть и речи. Раненым приходится оставаться на месте до прибытия судна в свой или чужой порт. Броненосец, пока он не потерял боеспособности, не может выйти из боевой колонны для передачи раненых. Этим он нарушил бы строй эскадры и ослабил бы ее. К нему во время боя не может приблизиться и госпитальное судно для снятия людей, выбывших из строя, потому что оно рискует от одного снаряда пойти ко дну. Итак, и раненые, и медицинский персонал, и все остальные разделяют судьбу своего корабля. Есть разница и в самом характере нанесенных ран.

У нас в отличие от сухопутного боя не „дырявили“ людей пулеметными или винтовочными пулями, не рубили шашками, не мяли лошадиными копытами. Но зато если на суше

страдали лишь частично от артиллерийского огня, то на корабле подвергались увечью исключительно от разрывающихся снарядов. Поэтому на операционный пункт являлись люди за медицинской помощью с ожогами или с такими ранами, которые причинялись осколками с острыми, режущими краями, нарушающими целостность тканей на большой поверхности. Затем, в сухопутных сражениях даже на передовых перевязочных пунктах медицинский персонал, занимаясь своим делом, не испытывает тех неудобств, какие достаются на долю судовых врачей. Там — надежная земля, здесь — качающиеся стены, уходящая из-под ног палуба, а при крутом повороте судна — такой угрожающий крен, что холодеет на душе; и все это происходит совершенно неожиданно.

Не обращая внимания на эти тяжелые условия, оба врача с исключительной энергией выполняли свои обязанности. Легко раненых перевязывали фельдшера, а в иных случаях и санитары. Тяжело раненые обязательно проходили через руки Макарова и Авророва.

— На операционный стол! — слышались их распоряжения.

Морское сражение тянется недолго, а нарушение порядка, сопровождающее бой, может пагубно отразиться на успехе операции. Поэтому серьезные операции, как и настоящее лечение, откладывались до более благоприятного времени, пока не перестанут грохотать

пушки и противники не разойдутся в разные стороны. Кроме того, пострадавшие прибывали в таком количестве, что врачи не успевали тщательно разбираться в ранениях. Они ограничивались лишь поверхностным осмотром ран и определением того, насколько нарушена костно-суставная система. И сейчас же принимали неотложные меры.

То и дело раздавался повелительный голос Макарова:

— Тампонировать рану!

— Руку в лубок!

— Этому впрыснуть два шприца морфия!

Фельдшера и санитары метались от одного раненого к другому, накладывая повязки или жгуты. Мои обязанности были просты: я сменял загрязненные простыни, подавал что-нибудь врачам и поил раненых. Оба врача были заняты теми, которым ранения угрожали смертью. Корабль, помимо качки, часто содрогался от залпов своей тяжелой артиллерии и от разрывов неприятельских снарядов. В такие моменты хирургический нож врача, освежая рану, проникал в человеческое тело глубже, чем следует, а ножницы, вместо того, чтобы обрезать только ткани, потерявшие жизнеспособность, вонзались и в неповрежденные ткани.

* * *

Так было раньше. Прошло тридцать шесть лет. На Балтике и на Черном море я с гордостью за свою великую родину наблюдал, как

колоссально вырос наш флот, оснащенный военной и врачебно-санитарной техникой. Неизмеримо высоко стоит забота советской власти о живом человеке, а вместе с тем необычайно поднят и уровень медицинского обслуживания наших моряков.

Подписано к печати 25/VI 1942 г.
Объем 0,75 п. л., 0,5 авт. л.
0,8 уч. авт. л. В I п. л. 42 656 зн.
Зак. 0178. Тир. 3000 экз. ПФ 2585

Татполиграф при НКМП ТАССР
Казань, ул. Миславского, 9

1950

1950

Цена 40 коп.

